стов, исполненный любви к богу, во имя бога совершает подвиг. Писатель же, прослышав о чуде, обязан писать. Писатель, вдохновляемый богом, пишет не по своей воле, а потому что подвиг святого вечен, величествен, идеален, пишет, дабы сохранить подвиг — «памяти ради»: «Видение бо есть вернеиши слышаниа, уверит же многажды и слух слышащим, аще будут во истину глаголемаа, аще ли не написана будут памяти ради, то изыдет ис памяти и, в преходящаа лета и пременующим родом удобь сиа забвена будут, да аще бес писаниа забываема бывают. То не полезно есть, еже в забыт положити житие его и аки глубине, молчанию предати толику ползу».[13]

Всеми силами стремится Епифаний Премудрый унизить себя. Он и «ако скот бых», и «осля бессловеное», земной, греховный человек с «душевными вредами», «телесными страстями». Он не знает «ни плетения риторьска, не ветийскых глагол, ни Платоновых, ни Аристотелевых бесед не стяжах, ни философиа, ни хитроречиа не навыкох». Писатель — «недостойный, убогий инок». Речь его «зазорна, неустроена, неухыщрена», он «груб умом и словом невежа», «худ имеет разум» и «промысл вредноумен».[14] Примеров можно было бы привести множество.

Похвала святого нужна земным, грешным людям. Святой чужд житейских страстей, ему следует подражать и поклоняться. Через него люди приближаются к самому богу. Поэтому-то писатель, зная, что не может по достоинству воспеть деяние святого, все же творит, пишет во имя высокой цели.

Писатель сожалеет о своем убожестве. Он снова и снова возвращается к теме самоунижения. Так же как и в начале повествования, Епифаний в заключении говорит о том, что он не в силах не писать. Слова восхваления святого и самоунижения автора жития льются как бы непроизвольно, неудержимым потоком. «Но доколе не остану много глаголати, доколе не оставлю похвалению слова, доколе не престану предложенаго и продлъжнаго хвалословиа? Аще бо и многажды въсхотел бых изъоставити беседу, но обаче любы его влечет мя на похваление и на плетение словес».[15] Епифаний хочет объяснить, показать читателю, что не он сам пишет, а божественная сила заставляет его, «влечет» на писание жития. Деяние святого настолько велико, что он не может не писать, даже если бы «многажды» захотел «остановить беседу». Даже тогда, когда собственно история жития окончена, Епифаний все еще не в силах остановиться.

За этим довольно простым изложением взглядов писателя на свое произведение кроется очень сложная, логически завершенная и продуманная система. То, о чем мы уже сказали, лишь писательская позиция, необходимая ему для целей, с его точки зрения, вполне определенных и важных.

Стремление писателя унизить себя является одним из средств возвысить свое произведение, указать на его боговдохновенность и тем самым зажечь читателя или слушателя любовью к святому, призвать читателя к поклонению тому, что написано, и что само по себе свято, свято по своему происхождению. Самоуничижение писателя несомненно нарочито, но это делается настолько искусно, что создается полная иллюзия искренности писателя, и именно эта тонкая игра в искренность, в простодушие, временами переходящая в настоящее увлечение, оказывала особенно сильное воздействие на читателя.

---

[13] Житие Стефана Пермского, стр. 1.
[14] Там же, стр. 1—4.
[15] Там же, стр. 110.